
ОГОНЕКЪ.
1905 г.
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ОБОЗРѢНІЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ и ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ,
НАУКЪ и ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.
ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ
„БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“

СОДЕРЖАНІЕ.

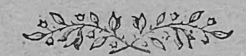
Портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Иллюстраціи изъ русской жизни.

Иллюстраціи русско-японской войны.

Иллюстраціи изъ иностранной жизни.

Портреты дѣятелей и участниковъ русско-японской войны.

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 1 | Пятница, 21 января (3 февраля) 1905 г. | № 1

Капитанъ 24-го сибирскаго полка
Э. Стародубцевъ.
Убитъ въ бою у Шахэ.

Поручикъ 36-го восточно-сибирскаго полка
О. Поверзакъ.
Убитъ на Путиловской сопкѣ.

Подпоручикъ
М. Ладыгунъ 2-й.
Раненъ въ бою у Шахэ.

Есаулъ
Н. Собокаревъ-Матвѣенко.
Раненъ въ бою у Вафангоу.

Послѣдніе дни Портъ-Артура. — Уцѣлѣвшая горсть защитниковъ форта Эрлунгшанъ докладываетъ о занятіи послѣ него японцами.

Съ рисунка корреспондента, [illegible] „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Воспоминанія и мемуары.

Четверть вѣка назадъ.—„Чудо пенитенціарной системы". — С.-Петербургскій домъ предварительнаго заключенія.—Одиночка и „опытныя наблюденія".—Порядки и „своеобразный безпорядокъ".— Личное умозрѣніе и законъ.—Глобусы изъ жеваной бумаги и перочинный ножикъ.—Новыя данныя о прошломъ.—Ковлы отпущенія.—Наказаніе въ видѣ награды и награда за наказаніе. — Жертва неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ.

I.

Два историческихъ изданія—„Русская Старина" и „Историческій Вѣстникъ" справили въ прошломъ году свои юбилеи. Первый изъ названныхъ журналовъ вступилъ уже въ тридцать шестой годъ изданія, второй—въ двадцать шестой. Годы, въ особенности для русскихъ повременныхъ изданій, почтенные. Юбилейный годъ для „Русской Старины" совпалъ съ кончиной ея руководителя Н. Ф. Дубровина, и эта утрата отразилась на журналѣ. Отъ сталъ суше, случайнѣе подборъ статей, и историческіе матеріалы и обстоятельныя изслѣдованія прошлыхъ лѣтъ уступаютъ все болѣе и болѣе мѣсто компиляціямъ въ видѣ тягучихъ, длинныхъ „бытовыхъ очерковъ".

Январьская книжка отличается всѣми указанными качествами. Продолженіе длинныхъ біократическихъ записокъ В. А. Инсарскаго полно такими мелкими подробностями и банальными разсужденіями, которыя могли бы безъ ущерба для исторіи не быть предаваемы тисненію въ историческомъ изданіи.

Перечень празднествъ на Кавказѣ и наградъ, какими „осыпался" князь Барятинскій во время его управленія краемъ,—хотя послѣднія и доставляли „великое наслажденіе князю",—похожи на умилительный рапортъ, который, однако, не шевелитъ въ душѣ ни чувствъ, ни мысли благородной.

То же приходится сказать и относительно большинства статей въ январьской книгѣ. Выдѣляется нѣсколько по новизнѣ нѣкоторыхъ впервые публикуемыхъ фактовъ статья г. М. Федорова „Изъ воспоминаній по управленію с.-петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія". Полковникъ Федоровъ состоялъ управляющимъ домомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1876 по 1878 г.г.

Двадцать семь лѣтъ — срокъ для русской исторіи невозможный по своей краткости. Г. М. Федоровъ всего менѣе претендуетъ на званіе историографа петербургскаго дома предварительнаго заключенія. Онъ заноситъ только личныя впечатлѣнія, оговариваясь постоянно въ этомъ смыслѣ и постоянно боясь быть ложно понятымъ.

Авторъ прежде всего очень невысокаго мнѣнія объ инженерахъ, строившихъ петербургское чудо пенитенціарной системы.

По мнѣнію г. Федорова, зданіе сооружено „техникомъ-фантазеромъ" и всего болѣе годно подъ пріютъ для схимниковъ, или для богадѣльни, но отнюдь не для лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ. Утвержденіе это, однако, болѣе красиво на видъ, такъ какъ и схимники, и богадѣльные жильцы люди вольные, и врядъ-ли бы помирились съ убійственною сухостью воздуха въ домѣ...

Набросавъ общую картину тюремныхъ порядковъ и давъ нѣсколько портретовъ забубенныхъ злодѣевъ, авторъ долго останавливается на многовластіи въ домѣ и безвластіи управляющаго, которому предоставлено лишь сажать въ карцеръ непокорныхъ заключенныхъ.

Примѣръ американскаго и швейцарскаго тюремнаго режима автору нравится гораздо больше, ибо „тамъ противъ каждаго безпорядка есть свои мѣры,—начиная съ выговора и кончая смертью арестанта".

„Въ примѣненіи мѣръ начальникъ пользуется полною свободою и за послѣдствія отвѣчаетъ только передъ Господомъ Богомъ. Никто ему не можетъ помѣшать, и никто не имѣетъ права переступить порога тюрьмы безъ его разрѣшенія".

„Правда, оговаривается г. бывшій управляющій, на должности директоровъ тюремъ назначаются тамъ лица по выбору общества, которому они хорошо извѣстны своими нравственными качествами, но что же препятствуетъ у насъ правительству назначать подобныхъ личностей?".

„При нормальныхъ порядкахъ въ тюрьмахъ, нѣтъ сомнѣнія, что и люди съ высокообразовательнымъ цензомъ не откажутся служить въ нихъ..."

Порядки же, господствовавшіе двадцать семь лѣтъ назадъ въ домѣ предварительнаго заключенія, самъ авторъ признаетъ далекими отъ нормы. Ненормально кажется ему содержать людей подъ слѣдствіемъ при существованіи суда скораго и праваго до четыре года въ одиночномъ заключеніи, ненормальны и самыя слѣдствія, тянувшіяся по нѣсколько лѣтъ, и весь тотъ укладъ, который по писаннымъ параграфамъ инструкціи по дому былъ одинъ, а на дѣлѣ, по приказу, такъ часто отмѣнявшему у насъ писанные законы, замѣнялся другимъ.

Понятіе о законности расплывалось въ массѣ произволеній, а сами стражи закона являлись въ положеніи, крайне обидномъ и двусмысленномъ: не то стражей закона, не то рабовъ словесныхъ предписаній. Послѣднимъ въ замѣткѣ г. Федорова отведено особо видное мѣсто. Въ личной жизни управляющаго домомъ онѣ играли большую роль.

О нихъ онъ и разсказываетъ нѣчто весьма назидательное и съ исторической, и бытовой точки зрѣнія...

II.

Одиночка. Мрачное, тѣсное помѣщеніе... Три шага вдоль, три поперекъ. Если не могила, то преддверіе къ ней.

Любопытны слѣдующія „опытныя" наблюденія надъ продолжительностью строго одиночнаго заключенія безъ вредныхъ послѣдствій для организма узника. Г. Федоровъ утверждаетъ, что самый большій срокъ „для какой бы то ни было натуры не можетъ итти далѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ наступаетъ періодъ упадка физическихъ силъ и ослабленіе разсудка, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе у заключеннаго разыгрываются всевозможныя фантазіи, дѣйствія становятся болѣе эксцентричными и, въ концѣ-концовъ, происходитъ борьба всѣхъ органическихъ недуговъ съ необходимостью оставаться въ созерцаніи четырехъ стѣнъ. Борьба эта, по наружнымъ признакамъ, проявляется различно, у иныхъ только въ выраженіи лица, у другихъ же всѣ недуги попорченнаго организма выходятъ наружу, и страданія тогда обозначаются уже въ явственной борьбѣ съ окружающею обстановкою. Какъ тѣ, такъ и другіе виды борьбы, усиливаясь въ своихъ симптомахъ, длятся до извѣстнаго предѣла, за которымъ слѣдуютъ трагическіе исходы—смерть отъ чахотки или сумасшествіе".

„Мимолетный обозрѣватель одиночно-заключенныхъ, въ періодъ борьбы послѣднихъ съ окружающей обстановкой, выноситъ сплошь и рядомъ крайне превратное понятіе о нихъ, потому что по спокойно сидящимъ онъ предполагаетъ о возможности безконечнаго сидѣнія въ одиночномъ заключеніи, а дѣйствія безпокойныхъ легко приписываетъ ихъ капризамъ, дерзкой натурѣ, невѣжеству и т. п., что происходитъ исключительно вслѣдствіе непониманія психической стороны человѣка".

Это наказаніе, по мнѣнію автора, „принимаетъ ужасающіе размѣры по мѣрѣ продолжительности своего срока и становится хуже всякихъ каторжныхъ работъ..."

Сидѣвшіе въ одиночкахъ дома предварительнаго заключенія по три и четыре года, согласно выводу автора, не угасали такъ быстро лишь потому, что „нашли возможность сообщаться между собою". Сообщеніе велось посредствомъ перестукиваній; система и способъ послѣднихъ былъ подробно описанъ въ книгѣ г. Фаресова „Въ одиночномъ заключеніи", и разсказъ г. Федорова въ этой части не представляетъ особаго интереса.

Любопытно, впрочемъ, мнѣніе начальства по сему предмету. Бывшій непосредственный свидѣтель этихъ таинственныхъ звуковъ, оглашавшихъ тюремную тишину, вполнѣ признаетъ резонность этого „своеобразнаго", какъ говоритъ онъ, „безпорядка". Не только потому, что въ акустическомъ отношеніи домъ уже такъ былъ устроенъ, но и принимая во вниманіе психологическую сторону заключенныхъ, которые „слишкомъ долго содержались въ одиночномъ заключеніи", при полной неизвѣстности, когда будетъ конецъ ихъ дѣлу, не говоря уже о томъ, каковъ онъ будетъ.

Прокуроръ, состоявшій при домѣ, былъ лишенъ (?!) всякаго права наводить справки; слѣдователи молчали, ибо были „страшно завалены работой... Все молчало, и только стуки раздавались по дому..."

Очень колоритна въ описаніи г. Федорова роль шестерыхъ новичковъ, товарищей прокурора, назначенныхъ для ежедневнаго по очереди посѣщенія дома, съ цѣлью непосредственнаго принятія отъ заключенныхъ просьбъ и заявленій и производства дознаній и заявленій по подаваемымъ ими жалобамъ.

На самомъ же дѣлѣ, товарищъ прокурора занимался обходомъ камеръ и выслушиваньемъ жалобъ, которыя имѣли такое же точно движеніе, какъ стоячія воды болота.

„Постоянно спрашивать и спрашивать больного, гдѣ болитъ, справедливо говоритъ авторъ, и нисколько ему не помогать, когда тотъ опредѣленно указываетъ на больное мѣсто, развѣ не походить это на издѣвательство, на насмѣшку? Такой вопросъ ставитъ человѣкъ, близко изучившій жизнь одиночныхъ узниковъ и отнюдь не желающій быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи къ нимъ; здѣсь г. Федоровъ дѣлаетъ длинное отступленіе и высказываетъ свое мнѣніе о нихъ, не какъ о жертвахъ тюрьмы, а какъ о вполнѣ свободныхъ гражданахъ.

Отступленіе отъ отступленія автора сдѣлаемъ и мы, перейдя къ той части его повѣствованія, которая касается не личныхъ умозрѣній, а фактовъ.

III.

Одинъ изъ послѣднихъ особенно поражаетъ автора воспоминаній. Это широкое отступленіе отъ закона во всѣхъ мелкихъ и крупныхъ вещахъ.

Слѣдствіе закончено. Заключенные на основаніи существующихъ правилъ просятъ о перемѣщеніи въ общія камеры. Слѣдуетъ отказъ на основаніи особыхъ, автору невѣдомыхъ соображеній. Просятъ о совмѣстной работѣ. Новый отказъ. Предоставлено просить каждому въ отдѣльности о работахъ въ своей камерѣ. Просятъ. „Согласіе выходило съ длинными проволочками и немалыми, совершенно непонятными (самому управляющему домомъ) ограниченіями и исключеніями".

Ограниченія и исключенія при желаніи все ограничивать и исключать доходили до курьезовъ.

„Такъ, одинъ заключенный, желая зани-

маться издѣліемъ глобусовъ изъ жеваной бумаги, просилъ дозволенія имѣть перочинный ножъ, необходимый для болѣе рельефной выдѣлки горъ. Дѣлать глобусы ему разрѣшили, а въ перочинномъ ножѣ отказали, какъ представляющемъ въ нѣкоторомъ родѣ опасное оружіе. Заключенный хотя и протестовалъ на отказъ ссылкою на то, что допущенныя работы по сапожному, рѣзному и переплетному мастерствамъ въ составѣ своихъ инструментовъ имѣютъ ножи несравненно опаснѣе въ смыслѣ допущенія возможности злоупотребленія ими, однако, они не изъяты изъ обращенія, но, тѣмъ не менѣе, перочинный ножъ не былъ разрѣшенъ.

„Такіе отказы, какъ не имѣющіе смысла, разумѣется, только раздражали заключенныхъ и нисколько не препятствовали имъ достигать своихъ желаній путемъ собственной изобрѣтательности, доходившей иногда до изумительнаго искусства. Лишенный перочиннаго ножа сдѣлалъ самъ весьма порядочный ножичекъ изъ половинки стального пера, отточенной на аспидномъ подоконникѣ; другой, знавшій исторію съ ножемъ своего товарища, однажды обратился ко мнѣ съ просьбой одолжить ему бритву, чтобы побриться; я, конечно, отказалъ и принялъ это за шутку; тогда онъ замѣтилъ, что обойдется и безъ моей любезности, и просилъ зайти къ нему черезъ нѣкоторое время. Спустя часа 3 или 4, я вновь навѣстилъ его и нашелъ отлично его выбритымъ, причемъ онъ показалъ мнѣ смастеренный имъ бритвенный приборъ, состоявшій изъ трехъ предметовъ: стеариновой мыльницы съ вырѣзанными на ней цвѣтами, мыльной мочальной кисти въ деревянной ручкѣ, облитой стеариномъ, и бритвы, сдѣланной изъ ободка ватерклозетной крышки, съ деревянною ручкой; третій, замѣченный въ секретной передачѣ письма и лишенный, вслѣдствіе того, письменныхъ принадлежностей, изобрѣлъ пилюли, носившія названія „пилюли передачи мыслей“, составъ которыхъ былъ слѣдующій: вырывавшійся клочекъ бумаги изъ книги исписывался сокращеннымъ способомъ помощью спичекъ и асфальтовыхъ чернилъ, свертывался въ ничтожный комочекъ и заливался стеариномъ, — вотъ и пилюля; употреблялась же она такъ: идущій на свиданіе бралъ пилюлю въ ротъ и при поцѣлуѣ съ посѣтителемъ передавалъ ее движеніемъ языка въ ротъ послѣдняго, а крѣпкіе поцѣлуи давали возможность передавать по двѣ, по три пилюли“.

IV.

Въ числѣ многочисленнаго штата начальствующихъ лицъ надъ домомъ состоялъ и генералъ Треповъ, въ вѣдѣніи котораго, какъ петербургскаго градоначальника, находился домъ. Г. Федоровъ о генералѣ очень высокаго мнѣнія. Однѣ только вспыльчивость и горячность онъ ставитъ Трепову на минусъ, характеризуя свое „любимое и уважаемое“ непосредственное начальство.

Нѣсколько новыхъ штриховъ вноситъ авторъ въ исторію процесса Вѣры Засуличъ.

Судъ конченъ. Подсудимая, сданная въ 12 часовъ дня управляющимъ домомъ подъ расписку судебнаго пристава, объявлена свободной. Засуличъ, по собственному желанію, отправилась за своими вещами въ домъ заключенія.

„Пока она занималась сборкой вещей и чаепитьемъ, прокуроръ судебной камеры Л. посовѣтовалъ управляющему домомъ „повоздержаться ея освобожденіемъ“. Черезъ четверть часа приходитъ предписаніе суда о немедленномъ освобожденіи оправданной. Участковый приставъ одновременно передалъ просьбу предсѣдателя суда о выпускѣ Засуличъ не на Шпалерную, а на Захарьевскую (куда вовсе не было никакого выхода).

„Въ восемь часовъ Засуличъ покинула домъ заключенія.

„Толпа народа, жандармы, полиція сопровождали ее. Всѣ видѣли и знали, что она оправдана и освобождена, за исключеніемъ прокурора судебной палаты.

„Около 11-ти часовъ вечера, — разсказываетъ г. Федоровъ—явился ко мнѣ прокуроръ окружнаго суда С., съ предписаніемъ прокурора судебной палаты о содержаніи Засуличъ подъ стражею впредь до особаго распоряженія. Я до того поразился подобнымъ предписаніемъ, что сначала принялъ его за мистификацію, такъ какъ всему Петербургу уже было извѣстно объ освобожденіи Засуличъ, а тѣмъ болѣе прокурору, изъ канцеляріи котораго часа четыре тому назадъ я получилъ предписаніе о немедленномъ ея освобожденіи; но моментъ столбняка моего прошелъ, и я уразумѣлъ, что здѣсь мистификаціи быть не можетъ, и что таковое предписаніе послѣдовало, вѣроятно, въ силу какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, чего прокуроръ С. объяснить мнѣ не могъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ, а далъ только понять, что въ данномъ случаѣ онъ—исполнитель приказанія высшей власти“.

Съ одной стороны—оправдательный вердиктъ присяжныхъ, съ другой—предписаніе о содержаніи оправданной подъ стражей. Законъ и предписаніе снова столкнулись вмѣстѣ.

Результатомъ этого столкновенія явилась докладная записка управляющаго домомъ къ генералу Трепову. Черезъ нѣсколько дней полковникъ Федоровъ вызывается къ прокурору Л.

Въ кабинетѣ послѣдняго происходитъ такая сцена, въ присутствіи прокурора С.

Л. любезно усаживаетъ полковника за столъ, и начинается такая бесѣда:

— „Я,—говоритъ Л.,—желалъ бы съ вами, полковникъ, побесѣдовать, чтобы освѣжить въ вашей памяти обстоятельства освобожденія Засуличъ. Вы, вѣроятно, помните, что по окончаніи судебнаго засѣданія я предложилъ вамъ не выпускать Засуличъ впредь до моего распоряженія.

— „Этого я не помню, а помню очень хорошо, что вы предложили не выпускать Засуличъ, до полученія мною бумаги отъ суда, что я и исполнилъ.

— „Нѣтъ, это не такъ! Вы припомните, конечно, что вы были въ такомъ экзальтированномъ состояніи, что легко могли не дослышать или перепутать мои слова, но я то очень хорошо помню, что предупреждалъ васъ не освобождать Засуличъ впредь до моего распоряженія“.

Въ концѣ концовъ, г. Федорову пришлось отбыть семидневный срокъ на гауптвахтѣ „за несвоевременное освобожденіе Засуличъ“.

Сидѣть въ заключеніи управляющему домомъ предварительнаго заключенія довелось съ почетомъ.

Наказаніе не только не было занесено въ формуляръ, но „жертва неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ“ была награждена разомъ: представленіемъ къ ордену, увольненіемъ въ отпускъ и выдачею пособія.

Все было обставлено до такой степени келейно, что въ приказѣ объ арестѣ г. Федорова ничего не значилось и о мѣстѣ семидневнаго пребыванія; полковника просили никому ничего не говорить...

Торжество бумаги было полное.

Эпизодъ—наказанія во имя награды и награды за наказаніе,—эпизодъ рѣдкій даже въ нашей жизни, изобилующей всякими курьезами.

Такъ пострадала „жертва неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ“. Какихъ?

Пока этотъ вопросъ еще внѣ области исторіи...

Ник. Носковъ.

Изъ недавняго прошлаго.

Исторія одной библіотеки и двухъ читаленъ.

Лѣтъ 10—12 тому назадъ открывалось одно общество взаимопомощи наборщиковъ и работниковъ печатнаго дѣла. Уставъ его предусматривалъ и взаимопомощь духовную—устройство бесѣдъ, лекцій, библіотеки. Года полтора уставъ отлежался въ разныхъ инстанціяхъ и былъ утвержденъ, но съ маленькимъ примѣчаніемъ, что устройство лекцій подчинено такимъ-то правиламъ, а библіотека приравнена къ народнымъ читальнямъ.

Для первоначальнаго ядра библіотеки нѣкоторые члены нашли у себя, или собрали у знакомыхъ около сотни книгъ. Когда начали составлять каталогъ, увидѣли, что только три-четыре маленькія брошюры могутъ быть въ него внесены, а остальные не подходили къ скудному репертуару народныхъ читаленъ. Предложено было купить нѣсколько десятковъ сочиненій, разрѣшенныхъ для народнаго чтенія.

При обсужденіи выбора этихъ книжекъ, оказалось, что читающіе наборщики давно переросли тотъ дѣтскій уровень развитія, къ которому приспособлены или, точнѣе,—который къ себѣ приспособляютъ каталоги народныхъ читаленъ. Только типографскіе мальчики и вертельщики могли бы въ нихъ найти поучительный матеріалъ.

Оказалось затѣмъ, что общество лишено возможности держать у себя спеціальныя сочиненія по графическимъ искусствамъ, т. е. руководства и справочныя книги по типографскому дѣлу, цинкографіи, исторіи книги и проч., хотя тѣмъ же уставомъ общество получало право открыть школу печатнаго дѣла.

Наконецъ, и мѣстныя газеты не значились въ пресловутыхъ каталогахъ. Такимъ образомъ, онѣ являлись запрещенными для тѣхъ людей, которые сами дѣлали и эти газеты—писали ихъ, набирали, корректировали, печатали и, разумѣется, читали ихъ.

Получился такой букетъ несообразностей, что даже ближайшее мѣстное начальство пожимало плечами, а умный и любезный губернаторъ того города много хохоталъ и сказалъ: „Ну, мы вамъ это дѣло устроимъ. Напишите хорошенько прошеніе, и вы получите приличную библіотеку“.

Прошеніе было „хорошенько“ написано. Къ указаннымъ мотивамъ составители прибавили, что члены общества не только имѣютъ возможность посѣщать безплатную публичную библіотеку, но еще пользуются книгами, всевозможными газетами и журналами изъ библіотекъ мѣстныхъ редакцій.

Прошеніе было тотчасъ отправлено мѣстнымъ начальствомъ, знавшимъ, въ чемъ дѣло, но въ высшихъ инстанціяхъ попало, разумѣется, подъ сукно и неизвѣстно, сколько лѣтъ пролежало бы тамъ, если бы не ретивость правленія общества, переживавшаго медовые мѣсяцы организаціи новаго дѣла, и особенно благосклонное отношеніе губернатора къ главному представителю этого общества. Вообще дѣло было „маленькое“, т. е. изъ категоріи тѣхъ, которыя просвѣщенные губернаторы любятъ поощрять. Однако, губернаторъ отказался письменно запросить

Поручикъ 85-го пѣхотнаго полка
А. Блѣдновъ,
раненый въ бою у Шахэ.

Шт.-кап. 33-го сибирскаго полка
Н. Тихоновъ,
раненый въ бою у Ляояна.

Поручикъ 1 го сибирскаго полка
П. Чернякъ.
Награжденъ за храбрость орденомъ св. Анны 4-й степени

Капитанъ 148-го пѣхотнаго полка
П. Лебедевъ.
Тяжело раненъ и попалъ въ плѣнъ.

Уполномоченный санитарнаго отряда
О. Петерсенъ,
раненый во время битвы у Шахэ.

Поручикъ 36-го пѣхотнаго полка
К. Шеферъ,
раненый въ бою у Шахэ.

министерство о положенiи дѣла и правленiю отсовѣтывалъ напоминать о себѣ.

— Вотъ поѣду въ Петербургъ и тогда самъ привезу разрѣшенiе.

Забылъ-ли губернаторъ о своемъ обѣщанiи или дѣло „дѣйствительно" пошло на разрѣшенiе двухъ министерствъ, но губернаторъ не привезъ ничего утѣшительнаго.

— Надо немного подождать,—сказалъ губернаторъ представившейся ему депутацiи.— Кажется, есть задержка отъ министерства народнаго просвѣщенiя. Я просилъ одного чиновника ускорить справки. Во всякомъ случаѣ, я вамъ даю слово, что въ будущую свою поѣздку привезу вамъ разрѣшенiе.

А слѣдущая поѣздка могла быть только въ февралѣ, для представленiя всеподданнѣйшаго отчета о состоянiи губернiи. Такимъ образомъ, должно было пройти больше года со дня подачи прошенiя. Депутацiя все таки утѣшилась соображенiемъ, что у губернатора есть хорошiя личныя связи въ Петербургѣ, и если онъ далъ слово, то исполнитъ его.

И онъ дѣйствительно его исполнилъ. Мѣсяцевъ черезъ пятнадцать со дня подачи прошенiя,—или года черезъ три, считая отъ времени отправленiя устава на утвержденiе,— общество получило легальное полномочiе держать у себя газеты, которыя составлялись его членами и, horrible dictu, всѣ эти три года нелегально читались въ помѣщенiи общества.

* * *

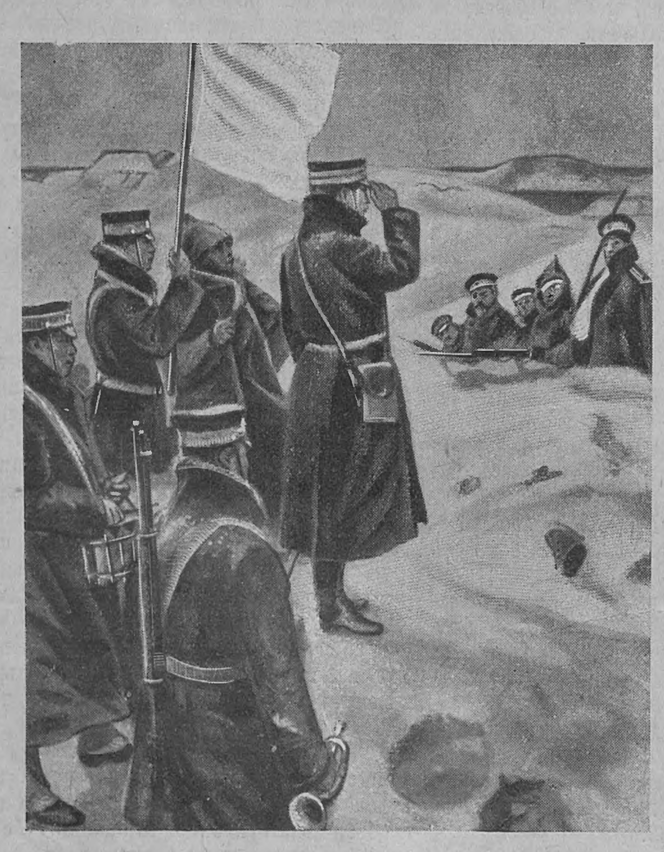
Но что удалось обществу дѣятелей печатнаго слова, при благосклонномъ содѣйствiи губернатора, не удалось мѣстному городскому общественному управленiю. Курьезъ можно было исправить какъ-нибудь въ три года, простое же, не курьезное ходатайство до сихъ поръ ждетъ своего удовлетворенiя.

По случаю какого-то особеннаго городского торжества, дума постановила открыть двѣ или три библiотеки на окраинахъ города, такъ какъ центральная публичная библiотека находилась слишкомъ далеко отъ этихъ окраинъ и фактически была недоступна ихъ населенiю.

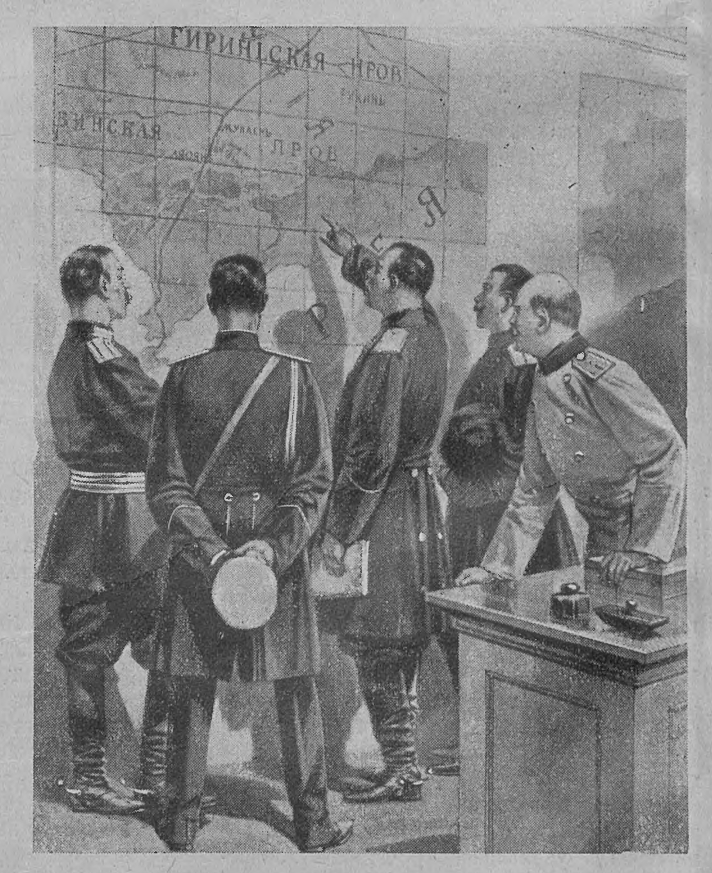
Первоначальное ходатайство города постигла та же участь, что и въ вышеописанномъ случаѣ: предложено было открыть народныя читальни и руководствоваться ихъ каталогомъ.

Насколько мнѣ извѣстно, городскiе дѣятели также хлопотали о томъ, чтобы этимъ читальнямъ были предоставлены права публичныхъ библiотекъ. Вѣроятно, они указывали, что жители окраинъ, если и не дѣлаютъ сами мѣстныя газеты, то имѣютъ возможность читать ихъ въ трактирахъ и кабакахъ, покупать всякаго рода книги у бродячихъ букинистовъ, которые на каждый базаръ, центральный и окраинный, выносятъ книги, запрещенныя каталогомъ народныхъ читаленъ.

Въ томъ городѣ, какъ почти вездѣ, это были не только бродячiе книготорговцы, но и вольные библiотекари, потому что за копѣйку или за крендель, пару яблокъ и пр. давали книги на прочтенiе мелкимъ лавочникамъ, мальчишкамъ и просто прохожимъ. Нѣкоторые газетные разносчики устроили правильно организованный прокатъ газетъ—на часъ, на два и на иные сроки,—и у нихъ былъ широкiй кругъ

Послѣднiе дни Портъ-Артура.—Прибытiе японцевъ къ русскимъ позицiямъ во время переговоровъ о сдачѣ крѣпости.

Въ главной квартирѣ на театрѣ войны.— Генералъ Глинскiй разъясняетъ своимъ приближеннымъ положенiе воюющихъ сторонъ.

Капитанъ
Толбузинъ 1-й,
награжденный орденомъ св. Анны 3-й ст. за бой у Ляояна.

Капитанъ
С. І. Бонецкій,
тяжело раненный у Сенычена.

Поручикъ
А. А. Давыдовъ,
убитый у Бенсиху.

Подпоручикъ
Ю. І. Кобылецкій,
раненный у Ляояна.

Вольноопредѣляющійся
П. И. Менькинъ,
награжденный орденомъ св. Георгія 4-й ст. за спасеніе орудій.

Поручикъ
П. В. Даниловскій,
герой Портъ-Артура.

Поручикъ 9-го сибирскаго полка
М. П. Биркъ,
раненный въ бою у Шахэ.

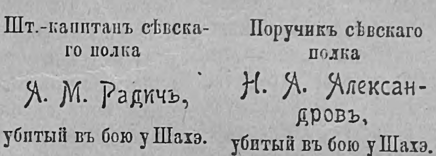
Поручикъ 122-го тамбовскаго полка
Н. Т. Мамянцъ,
раненный въ бою у Ляояна.

Ротмистръ манчжурской пограничн. стражи
М. А. Бантле,
награжденный орденомъ св. Анны „за храбрость".

Шт.-капитанъ сѣвскаго полка
А. М. Радичъ,
убитый въ бою у Шахэ.

Поручикъ сѣвскаго полка
Н. А. Александровъ,
убитый въ бою у Шахэ.

Поручикъ 4-го сибирскаго полка
баронъ
П. Н. Паленъ,
награжденный орденомъ св. Георгія 4-й ст. за бой у Ляояна.

абонентовъ среди бойкаго пристанскаго и окраиннаго населенія.

Но, вѣроятно, эти доводы оказались неубѣдительными и не заручили за собою благосклоннаго содѣйствія губернатора. Дума много лѣтъ крѣпилась, не открывая этихъ читалень. Однако, въ концѣ концовъ, она не выдержала характера. Къ тому же каталоги читаленъ были нѣсколько расширены. Гласные рѣшили, что лучшія времена для народнаго чтенія настанутъ еще не скоро, и потому лучше открыть хоть скудныя читальни, чѣмъ ровно ничего.

* * *

Слова довѣрія, пронесшіяся три мѣсяца тому назадъ по всей Россіи, воскресили надежды этой думы. По крайней мѣрѣ, въ числѣ многихъ городовъ, ходатайствующихъ теперь объ уничтоженіи спеціальныхъ ограниченій для библіотекъ и читаленъ, я встрѣтилъ названіе того города, въ которомъ происходило описанное здѣсь событіе.

Будутъ-ли имѣть успѣхъ нынѣшнія ходатайства? Созрѣла-ли та мысль, что крестьяне и, тѣмъ болѣе, горожане выросли изъ пеленокъ, въ которыя такъ долго принудительно кутали ихъ потребность къ чтенію, къ умственному развитію?

Если и прежде не удалось запеленать растущую народную мысль, если она всегда находила формы для обхода спеціальныхъ ограниченій для чтенія, созданныхъ для нея десятки лѣтъ тому назадъ, когда народная масса была

Японскій Красный Крестъ въ тылу арміи.
Съ наброска корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

фактически закрѣплена къ своимъ мѣстамъ и не освободилась отъ элементарныхъ патріархальныхъ еще традицій, когда книга еще являлась почти исключительнымъ достиженіемъ „верховъ“ общества, то какъ-же теперь эти ретроградныя цѣли будутъ достигнуты, когда книга разбрелась по всей Руси, когда число грамотныхъ и читающихъ непрерывно и быстро возрастаетъ?

Возможно-ли старыми средствами пріостановить „книжный потокъ“, какъ выразительно назвалъ Рубакинъ распространеніе книги въ современномъ русскомъ обществѣ?

Мнѣ кажется, что довѣріе, объявленное лозунгомъ новой внутренней политики, необходимо должно распространиться и на русскую книгу. Свобода книги и свобода чтенія необходимы теперь въ той же степени, какъ и свобода печати, свобода мысли и слова.

М. Богдановъ.

Дѣтская литература.

Газетные листы пестрятъ объявленіями о дѣтскихъ книгахъ. Я люблю пробѣгать эти списки, отыскивая среди нихъ старыхъ знакомыхъ, тѣ первыя звѣздочки, которыя рано зажигаются на горизонтѣ нашей, только что начинающей расцвѣтать мысли. Чего бы, кажется, каждый изъ насъ не пожалѣлъ теперь, если бы можно было вернуть ту первую хрестоматію, по которой онъ читалъ съ указкой,—старую, въ обтершемся переплетѣ, всю разрисованную синимъ и краснымъ карандашемъ хрестоматію, каждая страница которой насыщена милыми невозвратными воспоминаніями и первобытными каррикатурами на восьмилѣтнихъ братьевъ и сестеръ! Гдѣ наша юность, гдѣ наша свѣжесть!..

Наши бабушки воспитывались на примитивныхъ пересказахъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, на „Звѣздочкѣ“ Ишимовой, на басняхъ Хемницера и Крылова, на передѣлкахъ Шехерезады и Робинзона, гдѣ с ч а с т ь е писалось съ буквы *щ*, а букву т в е р д о можно было прочитать, какъ *ш*. Нашимъ отцамъ и матерямъ выпалъ уже болѣе счастливый жребій. Съ Запада къ намъ направились яркіе и прекрасные лучи. Умножились Донъ-Кихоты, Робинзоны, Мюнхгаузены, засверкалъ Диккенсъ сотнею передѣлокъ Оливера Твиста, плѣнили молодые умы В. Скоттъ, Куперъ, Майнъ-Ридъ, Андерсенъ, Бичеръ-Стоу. „Властителемъ нашихъ думъ“ былъ уже Жюль Вернъ, нашъ путь уже освѣщали Чистяковы, Разины, Евгенія Туръ. Въ дешевыхъ, но страшно рѣдкихъ, страшно убогихъ изданіяхъ начинали появляться сказки Пушкина, лермонтовская „Пѣсня про купца Калашникова“, комитетъ грамотности пускалъ Гоголевскія повѣсти, разсказы Тургенева, Григоровича.

Нынѣшнее дѣтское поколѣніе не можетъ пожаловаться на апатію взрослыхъ. На смѣну старымъ любимцамъ пришли новые: Твэнъ съ удивительно понравившимся „Принцемъ и Нищимъ“ и „Финномъ“, неизуродованный Андерсенъ, Гриммы, а русская мысль выросла до того, что явились уже многочисленныя поддѣлки „Русскаго Робинзона“, посыпались книги Кота Мурлыки, Познякова, Круглова. Сломился, наконецъ, и ледокъ, препятствовавшій выйти на путь работы для дѣтей настоящимъ писателямъ для взрослыхъ. Появились „Аленушкины Сказки“ Мамина, разсказы Станюковича, Баранцевича. Намъ уже не пришлось испытывать на себѣ удовольствіе этого чтенія въ наивности дѣтскаго воспріятія. Мы прочли ихъ уже какъ критики. Рядомъ съ этими именами дѣйствуютъ уже многочисленныя и новыя имена и совсѣмъ намъ неизвѣстныя, Макарова, Чарская. Ихъ книги идутъ. Дѣтвора ихъ любитъ.

Можетъ быть, для нея это будутъ такія же прекрасныя имена, какими для насъ стали Чистяковы, Мурлыки, Туръ. Въ добрый часъ! Но мы тутъ уже запоздалые гости на чужомъ праздникѣ.

* * *

Имена нашихъ хорошихъ старыхъ знакомыхъ, къ счастью, обильно мелькаютъ въ рождественскихъ спискахъ. Прекрасная встрѣча—книги Евгеніи Туръ. Область дѣтскаго разсказа у насъ преимущественно отмежевала себѣ женщина. Пусть меня извинятъ писательницы, но не по тому-ли такъ много въ дѣтской литературѣ у насъ посредственности, а то такъ и прямо бездарности. Почему-то большинство женщинъ, занимающихся дѣломъ поставки дѣтской беллетристики книжнымъ издателямъ и въ журналы, установили на свое дѣло чисто ремесленническій взглядъ. Совершенно рѣдко настоящее творчество въ женскомъ „дѣтскомъ“ разсказѣ.

Туръ до сихъ поръ прямо-таки царитъ въ области беллетристики для юношества, какъ Хвощинская-Крестовскій (псевдонимъ) надъ всѣми русскими писательницами для взрослыхъ. И это понятно, почему. Потому, что Туръ была настоящимъ писателемъ призванія, и тѣмъ же призваніемъ была выведена на дорогу дѣтской беллетристики. Можно сказать, блестяще она начала въ „Современникѣ“. Восторженно писали о ней Тургеневъ и даже присяжные критики, Ап. Григорьевъ и Эдельсонъ. И вдругъ, она совершенно оставила прежній родъ писаній и всецѣло отдалась дѣтской литературѣ, перенеся сюда весь свой писательскій темпераментъ и все свое на настоящей литературѣ отточенное и выработанное дарованіе.

Я перелистовалъ книги Е. Туръ и не могъ удержаться, чтобы не перечитать многихъ изъ тѣхъ страницъ, отъ которыхъ вѣетъ обаяніемъ прошлыхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, это было давно. „Катакомбы“, на обложкѣ которыхъ теперь значится выразительное „11-е изданіе“. Мы ее помнимъ еще маленькой книжечкой одного изъ первыхъ изданій, съ сильно срѣзанными въ переплетѣ листами. Немудрено—книжку взасосъ читали десятки глазъ, вертѣли десятки ученическихъ рукъ, и трижды, если не больше, пришлось ей попадать къ переплетчику. По этимъ „Катакомбамъ“, по „Послѣднимъ днямъ Помпеи“ (теперь шесть изданій), по „Мученикамъ Колизея“ (тоже) мы впервые знакомились съ обаяніемъ первобытнаго христіанства, слѣдили великую міровую трагедію столкновенія Рима въ его удивительной желѣзной красотѣ съ кроткими послѣдователями побѣждающаго міръ Галилеянина, страдали, радовались и трепетали за превратность судебъ Главковъ, Фабіоль, демоническихъ жрецовъ Изиды, Арбацевъ и любвеобильныхъ христіанъ Олимпіевъ. Передѣлка знаменитаго Бульверовскаго романа, рисующаго канунъ страшной катастрофы, снесшей съ лица земли три цвѣтущихъ города, сдѣлана съ силой и мастерствомъ, на которыя не могъ бы подосадовать авторъ.

* * *

Изъ оригинальныхъ книгъ Туръ для юношества лучшая — „Семейство Шалонскихъ“. Теперь это дѣла давно минувшихъ дней, и, конечно, нѣтъ никакой нескромности сказать, что это семейная хроника Сухово-Кобылиныхъ. Евгенія Туръ, т. е., Ев. В. Саліасъ-де-Турнемиръ, какъ извѣстно, была изъ этого рода и приходилась родной сестрой автору „Кречинскаго“; она—мать нынѣ благополучно здравствующаго талантливаго романиста гр. Е. А. Саліаса.

Это одна изъ „семейныхъ хроникъ“, какихъ немного въ русской литературѣ. Въ прошломъ году книга эта вышла шестымъ изданіемъ, и это отрадно. Все-таки у насъ знаютъ хорошую книгу даже тогда, когда ее никто не рекламируетъ. Хроника Туръ—удивительная картина воспитанія, жизни и всего ея уклада старыхъ дворянскихъ родовъ начала прошлаго вѣка. Роковой 12-й годъ съ отдачей и пожаромъ Москвы врѣзается своими потрясающими ужасами въ патріархальную жизнь по старинному красивой семьи, вноситъ въ нее тревоги, разлуки, смерти, исторгаетъ изъ нѣдръ дорогія существа, полагающія свою голову подъ непріятельской пулей. Отъ исторіи расцвѣта трогательной, нѣжной любви повѣствовательницы къ другу ея убитаго брата, привезшему въ семью дорогія вѣсти, вѣетъ прелестью страницъ лучшихъ мастеровъ нашей литературы. Какая-то мягкая, плѣнительная акварель, какъ будто чуть-чуть выцвѣтшая отъ времени, которую могла написать, дѣйствительно, только нѣжная женская рука. И какъ все это поразительно просто, почти до примитивности. Никакихъ ухищреній словъ, никакой попытки подмѣчаній неподмѣчаемаго, о чемъ такъ хлопочетъ современность.

„Княжна Дубровина“, „Сергѣй Боръ-Раменскій“ и „Три разсказа“—одни способны были бы создать прочное имя тому, кто выступилъ бы съ ними. „Сергѣй Боръ-Раменскій“, названный авторомъ повѣстью, можетъ являться образцомъ хорошаго романа для юношества,—увлекательнаго, чистаго, чуждаго бьющей въ глаза морали и, однако, идейно поучительнаго въ лучшемъ смыслѣ. То же богатство впечатлѣній, то же знаніе дѣтской души, ея интересовъ, порывовъ, настроеній, та же живость плавно текущаго разсказа, не отвлекающагося въ сторону, отличаютъ и эти книги „Туръ“. Какимъ-то изяществомъ и вмѣстѣ удивительною теплотою хорошей женской души обвѣяно все, что выходило изъ-подъ пера этой писательницы, познавшей, очевидно, самый главный секретъ писанія для дѣтей—л ю б и т ь д ѣ т е й.

Туръ въ области русской дѣтской литературы—одно изъ самыхъ яркихъ и красивыхъ именъ. Изъ именъ здравствующихъ писателей и въ такой же тѣни стоящихъ у нашей критики, можно назвать еще одно такое имя,—имя Кота-Мурлыки (Н. П. Вагнеръ). Оно ждетъ герольда своей славы, изъ патентованнаго критическаго цеха. Дождется ли оно его, можетъ быть, и вопросъ, но для читающей публики такіе герольды не всегда нужны: Кота-Мурлыку маленькій читатель давнымъ давно хорошо знаетъ и крѣпко любитъ.

А. Измайловъ.

Островъ сокровищъ.

На-дняхъ общественное вниманіе лондонцевъ было привлечено слѣдующей коротенькой телеграммой, переданной изъ Нью-Іорка: „На Кокосовомъ островѣ произошло столкновеніе между двумя партіями „искателей сокровищъ“. Люди графа Фицвильяма подверглись нападенію со стороны отряда, предводительствуемаго Гарольдомъ Греемъ, заручившимся концессіей на розыски сокровищъ отъ правительства республики Коста-Рика. Грей разбилъ на голову людей графа Фицвильяма. Республика Коста-Рика отправила канонерку для поддержанія порядка на Кокосовомъ островѣ“.

Это сообщеніе, въ связи съ незадолго до того проникшимъ въ печать извѣстіемъ, что графъ Фицвильямъ и члены его семьи погибли отъ обвала на одной изъ горъ Кокосоваго острова, возбудило интересъ къ малоизвѣстному островку. Что это за сокровища, на поиски котораго берутся „концессіи“ современными авантюристами? Каково происхожденіе этихъ сокровищъ? Существуютъ ли они, вообще, или реальныя вооруженныя столкновенія между „партіями“ кладоискателей происходятъ изъ-за фантастической причины, изъ-за освященныхъ преданіемъ старыхъ сказокъ легковѣрныхъ моряковъ?

Вотъ что удалось намъ выяснить изъ тщательныхъ опросовъ людей, побывавшихъ на „островѣ сокровищъ“ и хорошо знакомыхъ съ его исторіей.

Кокосовый островъ лежитъ въ 500 англійскихъ миляхъ къ западу отъ черты Punta Arenus и въ такомъ же приблизительно разстояніи къ сѣверу отъ экватора. Пространство острова не болѣе одной квадратной мили. Это сплошной горный массивъ, изборожденный дикими ущельями, куда почти отвѣсно съ шумомъ низвергаются пѣнящіеся горные потоки, берущіе начало на вершинѣ, возвышающейся на 1,000 метровъ надъ уровнемъ моря. Долины изобилуютъ могучей роскошной подтропической растительностью. Островъ въ отдаленныя времена служилъ излюбленнымъ мѣстомъ для склада добычи, попадавшей въ руки морскихъ разбойниковъ. Особенно много сокровищъ спряталъ на этотъ островъ извѣстный въ началѣ 19-го вѣка пиратъ Педро Бонито. Ва своемъ быстроходномъ суднѣ „Релампаго“, Бонито крейсировалъ въ водахъ Вестъ-Индіи и наводилъ ужасъ не только на суда, но и на цѣлыя прибрежныя области. Была послана цѣлая эскадра военныхъ судовъ для поимки пирата, Тогда онъ перенесъ свою дѣятельность къ западнымъ берегамъ Южной-Америки. Здѣсь онъ охотился преимущественно за испанскими галеонами, возившими золото и серебро изъ Перу и Мексики, какъ дань королю Кастиліи, но не пренебрегалъ и купеческими судами, и даже простиралъ свою дерзость до того, что велъ правильную осаду беззащитныхъ прибрежныхъ городовъ. Все, что Бонито удавалось такимъ образомъ награбить, онъ свозилъ на Кокосовый островъ, гдѣ дикая гористая мѣстность представляла не мало укромныхъ уголковъ. Въ 1821 г. послѣдній испанскій вице-король въ Мексикѣ вынужденъ былъ бѣжать передъ „освободителемъ“ Мексики, Итурбидо, и всю казну погрузили на судно, чтобы отвезти въ Испанію. Это судно было захвачено пиратомъ Бонито. Когда добыча была привезена на Кокосовый островъ, то оказалось, что никогда еще на долю пиратовъ не выпадало такой „удачи“: по оцѣнкѣ грузъ судна составлялъ десять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Болѣе скромные члены шайки нашли, что съ нихъ довольно, и потребовали дѣлежа, намѣреваясь бросить безпокойную жизнь и повести болѣе пріятное и вполнѣ обезпеченное существованіе. Но атаманъ былъ ненасытенъ, и категорически отказался отъ дѣлежа добычи и распущенія шайки. Часть ея примкнула къ предводителю; возгорѣлась ссора, затѣмъ и вооруженное столкновеніе. Въ результатѣ всѣ 15 членовъ, добивавшіеся раздѣла, были перебиты. Но самъ Бонито и его сподвижники вскорѣ были жестоко наказаны: на одномъ изъ курсовъ къ берегамъ Вестъ-Индіи разбойничій корабль былъ захваченъ англійскимъ военнымъ судномъ, и на слѣдующее же утро Бонито висѣлъ на верхней реѣ крейсера „Magician“, а всѣ его товарищи, однимъ этажемъ ниже...

Слава надежнаго разбойничьяго притона, однако, осталась за Кокосовымъ островомъ, съ названіемъ котораго связывалось представленіе о спрятанныхъ тамъ сокровищахъ. И когда, во время войны за независимость въ Перу, испанцы бѣжали на англійскомъ суднѣ „Mary Dier“, захвативъ съ собою все, что могли, цѣликомъ, а команда судна, не устоявъ предъ искушеніемъ, возмутилась, убила испанцевъ и завладѣла драгоцѣннымъ грузомъ, то выбранный ими изъ своей среды капитанъ Томсонъ направилъ судно къ берегамъ Кокосоваго острова. Грабители успѣли спрятать свое добро на островѣ, но не избѣгли кары: испанское военное судно настигло „Mary Dier“ и вся команда была повѣшена. Въ живыхъ оставили одного лишь капитана Томсона, которому было обѣщано помилованіе, если онъ укажетъ мѣсто, гдѣ спрятаны на Кокосовомъ островѣ сокровища. Томсонъ повелъ испанцевъ къ острову, но тамъ водилъ ихъ нѣсколько часовъ по неприступнымъ ущельямъ и, съ наступленіемъ темноты, скрылся. Испанцы тщетно его разыскивали, затѣмъ сѣли на судно и уѣхали, полагая, что Томсонъ все-равно погибнетъ отъ голода. Однако, черезъ недѣлю какое-то китоловное судно, пригнанное бурей къ острову, увидѣло сигналъ бѣдствія и спустило шлюпку. На судно явился человѣкъ, разсказавшій, что онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и былъ занесенъ на островъ, куда прибило боченокъ, къ которому онъ привязалъ себя. Его довезли до Punta Arenas, откуда онъ быстро исчезъ. Оказалось, что это былъ Томсонъ, слѣды котораго затѣмъ открыли въ одномъ изъ глухихъ поселеній Канады.

Въ Канадѣ Томсонъ долгое время жилъ спокойно, но когда испанское правительство назначило огромную премію тому, кто отдастъ его въ руки властей ему пришлось подумать о своей безопасности. Начертавъ планъ мѣстности, гдѣ на Кокосовомъ островѣ зарыты сокровища, бывшія на суднѣ „Mary Dier“, Томсонъ передалъ этотъ планъ нѣкоему Китингу, съ которымъ свелъ близкую дружбу, а самъ въ снѣжную бурю бѣжалъ къ сѣверу, и съ этихъ поръ о немъ ничего болѣе не было слышно.

Китингъ дважды отправлялся на Кокосовый островъ и оба раза привозилъ съ собой въ Канаду по 2,000 фунтовъ стерлинговъ. Затѣмъ онъ исчезъ изъ своего родного поселенія, и никто не знаетъ, что съ нимъ сталось. Разсказываютъ, что капитанъ одного судна, производившаго ловлю жемчуга въ бухтѣ Кокосоваго острова, случайно наткнулся на пещеру, гдѣ, повидимому, были спрятаны перуанскія сокровища, но этотъ капитанъ вскорѣ былъ убитъ въ войнѣ съ Чили.

Въ настоящее время на Кокосовомъ островѣ „работаетъ“ три партіи кладоискателей, изъ которыхъ одна даже заручилась концессіей отъ правительства республики Коста-Рика, которой островъ номинально принадлежитъ. Фактически островъ составляетъ владѣніе нѣмца Гисслера, поселившагося на немъ 20 лѣтъ тому назадъ. Побудили его къ переселенію разсказы о сокрытыхъ на островѣ сокровищахъ; но теперь Гисслеръ давно уже занялся хозяйствомъ, обзавелся семьей и благоденствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ долины очень плодородны, и островъ изобилуетъ самой рѣдкой и вкусной дичью, а въ бухтахъ ловятся во множествѣ разнообразнѣйшія породы рыбъ.

Что касается кладоискателей, то они время отъ времени появляются на островѣ и, какъ видно изъ приведенной выше телеграммы, даже вступаютъ между собой въ битву. Графъ Фицвилльямъ и его семья погибли жертвами обвала; извѣстный спортсмэнъ Гарольдъ Грей запасся „концессіей“ и разыскиваетъ перуанскія сокровища, спрятанныя пиратами. Найдетъ-ли онъ ихъ, или хотя бы грузъ судна „Mary Dier“? Быть можетъ, мы услышимъ объ этомъ?

Лондонъ,
январь 1905 г.

Помолвка короля испанскаго.

Въ февралѣ юный испанскій король Альфонсъ XIII будетъ гостемъ императора Вильгельма, и во время пребыванія короля при берлинскомъ дворѣ, будетъ оффиціально объявлено объ обрученіи его съ герцогиней Маріей-Антуанеттой Мекленбургской. Королю исполнилось 19 лѣтъ, и уже три года, какъ онъ вступилъ въ управленіе государствомъ, послѣ того какъ въ теченіе 16 лѣтъ страной правила королева-мать Марія-Христина, урожденная эрцгерцогиня Австрійская. Герцогиня Марія - Антуанетта Мекленбургская — единственная дочь герцога Павла-Фридриха Мекленбургскаго и его супруги Маріи Виндишгрецъ. 17-лѣтняя невѣста испанскаго короля — племянница Великаго Князя Владиміра Александровича и великой герцогини Ольденбургской и кузина невѣсты германскаго кронпринца и ея брата—владѣтельнаго князя великаго герцога Мекленбургскаго. Въ обществѣ много говоритъ о предстоящемъ обрученіи, и печать вспоминаетъ по этому поводу годы регентства королевы Маріи-Христины, женщины выдающейся по уму, характеру и душевнымъ качествамъ. Марія-Христина была второй женой покойнаго короля Альфонса XII, первая жена котораго, герцогиня Мерседесъ Монпансье умерла 18 лѣтъ отъ роду, черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Король Альфонсъ XII безумно любилъ свою первую жену, которую оплакивалъ всю жизнь. На герцогинѣ Австрійской онъ женился черезъ полтора года, изъ мотивовъ политическаго и государственнаго свойства, но счастливой семейной жизни вторая жена короля не знала. Крайне впечатлительный и жизнерадостный, съ необузданнымъ темпераментомъ, король Альфонсъ XII прославился своими любовными похожденіями, ближайшими участниками которыхъ были его друзья—графъ Квезадо и герцогъ Секста. Королева безропотно и терпѣливо переносила все, но разъ, когда герцогъ Секста только что провелъ къ королю красавицу-актрису, которой доставилъ „частную аудіенцію“, королева Марія-Христина не выдержала и публично дала герцогу полновѣсную пощечину... Тѣмъ не менѣе, герцогъ остался попрежнему приближеннымъ камергеромъ короля, и лишь послѣ того, какъ на обрядѣ погребенія герцогъ Секста, по своей должности и въ силу требованія, преклонивъ колѣна, трижды у самаго уха покойнаго произнесъ „синьоръ!“ и затѣмъ, поднявшись, провозгласилъ: „Его величество не отвѣчаетъ, стало быть, это правда—король умеръ!“—только тогда ему было немедленно предложено выйти въ отставку.

16 лѣтъ правленія королевы Маріи-Христины не были ознаменованы какими-либо радикальными реформами въ важнѣйшихъ отрасляхъ управленія страной, но они, несомнѣнно, отмѣчены стремленіемъ къ упорядоченію государственнаго механизма и мѣрами, подсказанными истинно добрымъ сердцемъ и искреннимъ желаніемъ общаго блага. Все, что можетъ сдѣлать на тронѣ добрый, одушевленный лучшими намѣреніями человѣкъ, не ставящій себѣ черезчуръ широкихъ задачъ, Марія Христина сдѣлала. Наряду съ этимъ, она со всею страстью матери предалась воспитанію своего царственнаго сына, образованіемъ котораго руководилъ старикъ Сагаста. Альфонсъ XIII, по отзывамъ лицъ, близко его наблюдавшихъ, обладаетъ прекрасными душевными и интеллектуальными качествами, и правленіе его обѣщаетъ

Поручикъ 220-го пѣхотнаго полка
Г. Труфановъ,
убитый въ бою къ югу отъ Ляояна.

Поручикъ 220-го пѣхотнаго епифанскаго полка
П. В. Моревъ,
убитый въ бою у Шахэ.

Шт.-кап. 145-го пѣхотнаго полка
А. Н. Колосовъ,
убитый въ бою у Шахэ.

Поручикъ 145-го пѣхотнаго полка
В. ф. Михайловъ,
убитый въ бою у Шахэ.

Поручикъ 11-го пѣхотнаго полка
В. Т. Веприцкій,
убитый въ бою Шахэ.

Шт.-кап. 9-ой арт. бригады
В. А. Исаевъ,
убитый въ бою у Шахэ.

очень много для Испаніи, если только съ наступленіемъ зрѣлаго возраста король убѣдится, что необходимо приспособить все управленіе страной съ духомъ и требованіями времени.

Берлинъ,
январь.

Конецъ рулеткѣ.

Кто читалъ извѣстный фантастическій романъ „Марсіане", не разъ, вѣроятно, пожалѣлъ, почему наше земное человѣчество не додумалось еще до сконцентрированной солнечной энергіи, пользуясь которой марсіане, на разстояніи многихъ верстъ, не только въ состояніи превратить въ пепелъ все живое, но и расплавлять пушки, превращать въ прахъ стѣны, даже скалы... Такое „усовершенствованное" орудіе уже, конечно, сдѣлало бы немыслимой войну между отдѣльными народностями, такъ какъ совершенно очевидно, что нѣсколькихъ прожекторовъ съ такими лучами энергіи было бы достаточно, чтобы превратить нашу планету въ покрытую пепломъ пустыню.

Почти такимъ же радикальнымъ оружіемъ противъ рулетки, какъ прожекторъ марсіанъ противъ всего живого, является, если вѣрить заграничнымъ газетамъ, новоизобрѣтенный нѣкимъ англичаниномъ Уэллемъ (Wall) приборъ, который даетъ возможность ни больше ни меньше, какъ механически побивать банкомета.

Ящикъ, на крышкѣ котораго воспроизведенъ кругъ съ „rouge et noir", содержитъ механизмъ, показывающій безошибочно, или, по крайней мѣрѣ, съ большою вѣроятностью, на какой цвѣтъ остановится шарикъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Счастливый изобрѣтатель этого механическаго „понтера"—разсказываютъ газеты—въ первые дни праздника явился къ игорному столу въ Монте-Карло, нѣкоторое время внимательно наблюдалъ за ходомъ игры, затѣмъ нажалъ кнопку своего аппарата, задвигались красныя и черныя поля, и комбинація ихъ дала англичанину основаніе для того, чтобы поставить „навѣрняка". Ставку онъ выигралъ. Слѣдующія—тоже. И хотя онъ ставилъ очень мало, но въ результатѣ выигралъ почтенную сумму. То же самое повторилъ англичанинъ во второй и третій день праздника и съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Въ заключеніе, онъ заявилъ, что пока все это еще проба новоизобрѣтеннаго аппарата, конструкція котораго отняла у него 15 лѣтъ жизни. Скоро изобрѣтатель намѣренъ начать ставить большіе куши и не сомнѣвается въ успѣхѣ. Но, очевидно, тутъ можетъ быть только два исхода: либо весь этотъ аппаратъ есть продуктъ живой фантазіи тѣхъ, кто его съ такимъ увлеченіемъ описываетъ, либо же „рулеткѣ" пришелъ конецъ, и она должна будетъ уступить свою роль другимъ видамъ азартной игры.

Но отъ этого результата человѣчество мало выиграетъ. Пока есть люди, для которыхъ волненія, радость и разочарованіе за игорнымъ столомъ представляютъ достаточно сильное ощущеніе, до тѣхъ поръ трудно надѣяться на искорененіе безчисленныхъ разновидностей азартныхъ игръ.

Послѣдніе дни Портъ-Артура.—Генералъ-адъютантъ Стессель собираетъ свѣдѣнія о состояніи людей на позиціяхъ во время ночного обхода.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская ул., № 25. Редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей" С. М. Проппѣръ.